

Научная статья

УДК 347.434

DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(4).584-594

EDN YULLGI

Прекращение обязательства зачетом по соглашению сторон: вопросы допустимости и квалификации

Юрий Сергеевич Поваров*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия
povus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4728-5301>*

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется многогранная проблематика, связанная с допустимостью заключения соглашения о зачете (независимо от нормативную установку на достаточность для зачета заявления одной стороны) и их квалификацией (прежде всего, с точки зрения уместности восприятия договорного зачета как зачета в тесном смысле). Автор подчеркивает, что возможность реализации договорного зачета предопределяется не только действием принципа свободы договора, но и отсутствием оснований для утверждения об исключительности модели одностороннего зачета.

В работе выводятся и раскрываются различные вариации договорного зачета («вынужденного» и инициативного), исходя из критерия (не)соблюдения условий зачета, предусмотренных гражданским законодательством; при этом, в частности, обосновывается некорректность рассмотрения оформленных одним актом нескольких односторонних зачетов в качестве договора (внешняя договорная «оболочка» не меняет юридической сущности отношений).

Особое внимание уделяется распространенному в науке концепту разграничения зачета в широком и узком смыслах. Автор отмечает известный «конформизм» данного подхода, памятуя о том, что он не позволяет эксплицитно установить место договорного зачета в системе способов прекращения обязательств.

В итоге автор полагает целесообразным и догматически приемлемым придание понятию зачета родового статуса (с охватом, в том числе договорного зачета), руководствуясь при этом соображениями формально-юридического, теоретического и практического свойств: диспозитивность законоположения, санкционирующего односторонний зачет; «симфоничность» совершения соглашений о зачете принципу частной автономии; их востребованность на практике; актуальность некоторых положений для зачета безотносительно к его юридико-фактической основе и пр.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

зачет требования, заявление о зачете, соглашение о зачете, односторонний зачет, договорный зачет, принцип свободы договора, критерии зачетоспособности требований

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Поваров Ю.С. Прекращение обязательства зачетом по соглашению сторон: вопросы допустимости и квалификации / Ю.С. Поваров. — DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(4).584-594. — EDN YULLGI // Академический юридический журнал. — 2024. — Т. 25, № 4. — С. 584–594.

Original article

Termination of an obligation by set-off agreement: issues of admissibility and qualification

Iurii S. Povarov*Samara National Research University, Samara, Russia
povus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4728-5301>*

ABSTRACT

The article examines the multifaceted issues related to the admissibility of concluding offsetting agreements (regardless of the regulatory setting for sufficiency for offsetting the statement of one party) and their qualifications (primarily from the point of view of the appropriateness of the perception of contractual offsetting as offsetting in a close sense). The author emphasizes that the possibility of implementing a contractual offset is predetermined not only by the principle of freedom of contract, but also by the lack of grounds for asserting the exclusivity of the unilateral offset model.

In the work, diversified variations of the contractual offset («forced» and initiative) are derived and disclosed based on the criterion (not) compliance with the conditions of the offset provided for by civil law; at the same

© Поваров Ю.С., 2024

time, in particular, the incorrectness of considering several unilateral offsets issued by one act as a contract is justified (the external contractual “shell” does not change the legal essence of the relationship).

Particular attention is paid to the concept of distinguishing between set-off in a broad and narrow sense, common in science; the author notes the well-known “conformism” of this approach, bearing in mind that it does not allow explicitly establishing the place of contractual offset in the system of methods for terminating obligations. As a result, the author considers it expedient and dogmatically acceptable to give a generic status to the concept of set-off (with coverage, including contractual set-off), guided by considerations of a formal legal, theoretical and practical nature: the dispositiveness of the law authorizing unilateral set-off; the “symphonicity” of the commission of offsetting agreements to the principle of private autonomy; their demand in practice; the relevance of certain provisions for set-off regardless of its legal and factual basis, etc.

KEYWORDS

set-off of claim, application for set-off, set-off agreement, unilateral set-off, contractual set-off, principle of contract freedom, criteria for offsetting claims

FOR CITATION

Povarov Iu.S. Termination of an obligation by set-off agreement: issues of admissibility and qualification. *Akademicheskiiy yuridicheskiiy zhurnal = Academic Law Journal*. 2024;25(4):584–594. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2024.25(4).584-594. EDN: YULLGI.

Введение

Действующий Гражданский кодекс РФ¹ (далее — ГК РФ) к нормированию вопроса о волевой составляющей процесса прекращения обязательства зачетом (который обычно идентифицируется в качестве своеобразного и надлежащего расчетного инструмента, нацеленного на замену результата изначально запрограммированного реального исполнения контрагентами взаимных обязательств [1, с. 8; 2], в том числе дабы «...избегнуть напрасной траты времени и средств...» [3, с. 73]) подходит, как известно, весьма лаконично, ограничиваясь «циркуляром» о *достаточности для зачета заявления одной стороны* (статья 410). В этом плане ГК РФ ни на шаг не отошел от своего предшественника — ГК РСФСР 1964 года², содержавшего идентичное предписание (статья 229). К слову, ГК РСФСР 1922 года³ вообще не затрагивал исследуемый ракурс, лишь упомянув о возможности полного или частичного прекращения обязательства, в том числе «...зачетом встречного однородного требования, срок коему наступил» (статья 129). Это, кстати, послужило поводом для отдельных ученых считать регулируемый законом зачет не иначе как «автоматическим» (когда, по заключению И.Л. Брауде, «...погашение ... происходит в силу одного факта наличия встречных требований...» (здесь и далее курсив в цитатах наш. —

Ю.П.)), а заявление о зачете «...носит чисто *декларативное* значение» [3, с. 75])⁴.

Практически единодушным в науке является истолкование указанного положения статьи 410 ГК РФ в смысле непосредственного законодательного санкционирования т.н. одностороннего зачета, вызываемого совершением *односторонней сделки* (распространение получило и другое название производимого подобным манером зачета — «принудительный внесудебный» [6, с. 15]). Квалификация заявления о зачете, подаваемого в порядке статьи 410 ГК РФ, в качестве односторонней сделки, невзирая на отсутствие соответствующей манифестации (по образцу, скажем, пункта 5 статьи 1118 ГК РФ, где завещание прямо объявляется односторонней сделкой), не вызывает сомнений и у судов. Это, например, вытекает из пунктов 14, 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 года № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств»⁵ (далее — ППВС № 6), пункта 25 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4 от 26 декабря 2018 года⁶, пункта 13 информационного письма Президи-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Гражданский кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407 (утратил силу).

³ Гражданский кодекс РСФСР : введен в действие постановлением ВЦИК от 11 нояб. 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904 (утратил силу).

⁴ Данное мнение не стало, однако, общепризнанным. В частности, оно было оспорено М.М. Агарковым, высказавшимся в пользу теории *одностороннего волеизъявления* [4, с. 4], и Л.А. Лунцем, утверждавшим, что «зачет не происходит автоматически. Наличие условий, требуемых ст. 129 ГК, является необходимой предпосылкой для совершения сделки, именуемой зачетом» [5, с. 403]. И сегодня *автоматическое* прекращение встречных требований, не требующее заявления стороны, конечно, возможно, но «*с опорой*» на договор, а не на закон.

⁵ Бюллетень ВС РФ. 2020. № 8.

⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 дек. 2018 г. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/practice/27547> (дата обращения: 20.09.2024).

ума ВАС РФ «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований»⁷.

Другие вариации погашения требований по схематике зачета, в том числе их взаимное «пресечение» *по соглашению сторон* (которое часто именуется в литературе договорным зачетом⁸) в поле зрения российского законодателя не попадают. Заметим, что «молчание» по поводу зачета (или компенсации) в силу договора присуще положительному законодательству большинства стран (включая европейские). Любопытно, что «выбивается из общей колеи» ГК Республики Ирак 1951 года, явно допускающий в статье 409 добровольный *зачет*, производимый *по взаимному согласию должников* (наряду с неизбежным (обязательным), осуществляемым в силу закона) [7, с. 80]. В основном обходят стороной проблематику договорного зачета и акты международной частноправовой кодификации. Одно из немногих исключений — Кодекс европейского договорного права (далее — ЕСС), где в пункте 6 статьи 132 присутствует «ремарка» о том, что «*зачет (!) может иметь место по соглашению обеих сторон, даже если ... условия (требуемые для одностороннего зачета. — Ю.П.) не исполняются*» [8].

В контексте изложенного актуальными для науки и практики оказываются вопросы о (не)допустимости и юридической квалификации договорного зачета, исследованию которых и посвящена настоящая статья.

Догматическое обоснование конструкции договорного зачета

Тезис о принципиальной допустимости договорного зачета как такового в доктрине являлся и продолжает являться почти *общепризнанным*. В частности, Л.А. Лунц полагал, что сделка, опосредующая зачет, «...*может быть договором о зачете...*», но достаточно и одностороннего волеизъявления...» [5, с. 403] (правда, приведенное суждение выводилось на основе анализа ГК РСФСР 1922 года, который, как мы уже писали, юридико-фактическую основу зачета не опре-

делял вовсе). В.А. Белов нарекает волевой зачет «...хоть путем односторонней сделки, *хоть путем договора...*» «классическим» [7, с. 75]. По словам В.А. Хохлова, «...зачет является односторонней сделкой..., хотя, конечно же, может быть оформлен и как договор» [9, с. 202]. Серьезные споры, однако, ведутся относительно (не)правомерности и (не)рациональности квалификации данного явления — во всех или некоторых случаях — в качестве именно *зачета*, т.е. в истинном понимании слова (к этому аспекту мы еще вернемся).

Мало того, режим осуществления зачета в результате договоренности контрагентов нередко воспринимается как «канонический», априорный (односторонний же зачет, наоборот, нуждается в своем догматическом «оправдании» с точки зрения примирения с принципом недопустимости «...самовольного вмешательства должника в имущественную сферу верителя» [10, с. 8]⁹).

Идея самоочевидности договорного зачета, помимо прочего, получила известное признание в дореволюционной отечественной литературе. Д.Д. Grimm заявлял, что «зачет *всегда* может иметь место по добровольному соглашению...» [11, с. 357]. По заключению Н.Г. Вавина, «...*излишне говорить* о том, что договорный зачет допускается всеми ... законодательствами» [10, с. 5]. Более того, дореволюционная российская юридическая практика «...знала *только* договорный зачет ... и зачет посредством встречного иска» [12].

Примечательно, что Гражданское уложение Германии 1896 года, как и ГК РФ, непосредственно регламентирует лишь односторонний зачет (который, как гласит § 388, «...совершается посредством заявления, обращенного к другой стороне»), но «германский законодатель [вслед за многими авторитетными правоведами — Б. Виндшейдом, Г. Дернбургом и др.] полагал допустимость ... договора (о зачете. — Ю.П.) *совершенно очевидной* и по этой причине не почитал необходимым регулировать договорный зачет» [13, с. 6].

⁷ Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований : информац. письмо Президиума ВАС РФ от 29 дек. 2001 г. № 65. URL: https://rulaws.ru/vs_rf/Informatsionnoe-pismo-Prezidiuma-VAS-RF-ot-29-dek.-2001-N-65 (дата обращения: 20.09.2024).

⁸ Оставляя пока за скобками вопрос о (не)правомерности обозначения данного явления собственно *зачетом*, сообщим об использовании нами в работе термина «договорный зачет» для описания случаев прекращения встречных обязательств по типу зачета при наличии двусторонней договоренности на сей счет.

⁹ Обычно возможность одностороннего зачета (при соблюдении определенных условий) обосновывается его *рациональностью и целесообразностью* (данная традиция восходит к римской юриспруденции). Тем не менее такое объяснение в должной мере не удовлетворяет некоторых авторов. Н.Г. Вавин, подвергнув критике отдельные теоретические подходы (Т. Марецолля, Й. Колера и др.), пришел к выводу о том, что поскольку «...недобросовестное уклонение от погашения долгов ... не может быть не только признано правом, но и фактически допущено, законодатель ... останавливается на мысли о *молчаливом согласии на зачет...*»; эта теория «...жижется на почве *фикции*», но ей «...чужда искусственность» [10, с. 8–12].

По этой логике нормирование зачета по заявлению одной стороны уместно рассматривать как *сознательное признание его легитимности (в изъятие из общих подходов!)* и *определение границ применения* данного «...правила-гарантии, реализация которого не нарушает субъективных прав другой стороны» [14, с. 25]: «...все регулирование статьи 410..., — как верно подчеркивает А.В. Егоров, — построено на том, чтобы закрепить основания, при которых *допускается* зачет как *односторонняя сделка*» [15].

Стереотипное (и в целом вполне резонное) обоснование правомерности реализации зачета требований в силу заключения договора — апеллирование к *принципу свободы договора* [16, с. 36–37; 17; 4, с. 4]. Тем не менее данное постулирование, думается, все-таки не «дотягивает» до полновесного объяснения возможности договорного зачета (по крайней мере, для признания соответствующего соглашения в качестве акта, опосредующего именно *зачет* требований) в условиях, когда законодатель ограничивается описанием зачетного механизма как иницилируемого сугубо односторонним актом компенсанта. Отсюда ключевое значение приобретает момент (не)обоснованности оценки такой схематики, ясно предписанной законом как единственно возможной; мы уверены, что *основания для вывода о «монопольности» одностороннего зачета*, прежде всего в формально-юридическом измерении, *отсутствуют*. На важность данного обстоятельства так или иначе обращают внимание отдельные авторы. М.В. Горбачева доказывает правомерность заключения соглашений о зачете не только действием принципа свободы договора, а и тем, что «...отсутствует ... *запрет* на зачет, совершаемый заключением договора» [18, с. 50]. Суждение Т.Р. Фахретдинова о легитимности прекращения обязательства и односторонним заявлением, и соглашением сторон о зачете фундируется на верификации положений статьи 410 ГК РФ как *диспозитивных* [6, с. 14].

В этой плоскости примечательна и актуальна дискуссия относительно оценки правила статьи 410 ГК РФ о достаточности для зачета заявления одной стороны в качестве императивного либо диспозитивного. В частности, М.И. Брагинский находит данную норму, появление которой сопряжено «...с безусловной презумпцией экономической выгоды зачета для оборота», *императивной* [19, с. 364]. Между тем такая трактовка (в срезе безусловности одностороннего характера зачетного механизма) не стала доминирующей в науке. В пользу *диспозитивности*

обсуждаемого законоположения как минимум свидетельствует то, что:

а) оно, само по себе, *не отвергает договорного способа* прекращения обязательства зачетом (из чего, кстати, исходит и сам М.И. Брагинский, справедливо указывая, что «зачет может ... иметь договорный характер» [19, с. 363]) и не должно интерпретироваться «...как «допустимо заявление *только* одной стороны»» [12];

б) в рамках децентрализованного регулирования, как правильно замечают М.В. Телюкина, а равно поддерживавшая ее М.В. Горбачева, «...стороны ... *могут исключить ... зачет* условием отсутствия согласия другой стороны...» [20, с. 22; 18, с. 50], что довольно выпукло вытекает из предписаний статьи 411 ГК РФ и из чего последовательно исходит судебная практика (пункт 21 ППВС № 6).

Вариативность условий осуществления договорного зачета

Всестороннее и глубокое исследование вопроса о природе договорного зачета, думается, методологически предполагает принятие во внимание того обстоятельства, что соглашение, влекущее погашение взаимных требований, может заключаться и при соблюдении, и при невыполнении критериев зачетоспособности, прописанных в статье 410 ГК РФ. Применительно к первой ситуации — учета сторонами условий осуществления одностороннего зачета — обращение к механизму договорного зачета прежде всего может быть, фигурально выражаясь, «*вынужденным*», из-за того, что *стороны* ранее *оговорили запрет на совершение одностороннего зачета* и (или) предусмотрели возможность прекращения взаимных обязательств только «...при наличии волеизъявления всех сторон договора, т.е. по соглашению между ними» (пункт 21 ППВС № 6). Приведенное постулирование, имея в виду прямое допущение законодателем «умножения» случаев недопустимости зачета (т.е. дополнительного определения его негативных предпосылок) не только законом, но и договором (причем без закрепления границ индивидуальной регламентации), особых разногласий ни в судебной практике, ни в науке не вызывает. Итак, «необходимость достижения согласия для совершения зачета ... предполагается, ... когда, — как верно констатирует Н.Г. Соломина, — в самом договоре содержится условие, предусматривающее получение согласия..., либо договором установлен *запрет...*» [14, с. 24]. Разумеется, в указанных случаях «вынужденного» договорного зачета стороны

могут не ограничиться отходом лишь от правила о достаточности одностороннего волеизъявления, но и упорядочить погашение встречных требований, не отвечающих провозглашенным в статье 410 ГК РФ условиям зачета.

Попутно отметим, что законодательно не воспрещается и гипотетически не исключается договорная регламентация, предполагающая не заключение сторонами соглашения о зачете, а *совершение односторонней зачетной сделки, но с согласия контрагента*. Это согласие (не являющееся согласием на совершение сделки в смысле предписаний статьи 157.1 ГК РФ, поскольку необходимость его дачи не базируется на указаниях закона) выступает не компонентом договора, а самостоятельной односторонней сделкой, имеющей правовое значение в силу нормы пункта 2 статьи 154 ГК РФ, допускающей вызов юридических эффектов односторонними сделками в случаях, закрепленных, в том числе соглашением сторон. Впрочем, вероятность активного использования на практике данной поведенческой модели (в условиях допустимости применения простого и шаблонного «протокола» взаимодействия контрагентов посредством заключения между ними соглашения о зачете) кажется невысокой.

Сложнее решить вопрос о квалификации договорного зачета, соответствующего требованиям, предъявляемым к одностороннему зачету, и осуществляемого *инициативно, невзирая на нормативную установку на достаточность для зачета волеизъявления только одной стороны*. Истолкование этого правила как диспозитивного не позволяет подвергнуть сомнению легитимность «волевого» зачета в результате совершения, в том числе двусторонней сделки; как небесспорно указывает В.В. Драгунов, «если для осуществления зачета в силу закона достаточно заявления одной стороны¹⁰, то это не означает, что подобный зачет нельзя провести и на основании ... соглашения..., которое не отступает от порядка и требований, предъявляемых к зачету в силу закона» [21, с. 63].

Однако трактовка названного соглашения может быть различной. Например, Р.С. Бевзенко и Т.Р. Фахретдинов, небеспричинно замечая, что «договорным зачетом в ... контексте, который заложен ... в ст. 410 ГК, можно назвать толь-

ко случай, когда соглашением *прекращаются ... требования сторон, отвечающие условиям, установленным этой статьей*», полагают, что «...констатацию прекращения обязательств ... в таком соглашении следует квалифицировать как *взаимное одновременное заявление сторон о зачете*» [12]. Но при означенной интерпретации речь, скорее, идет о договорном «прикрытии» нескольких односторонних зачетов (при том, что внешняя договорная «оболочка» не меняет юридической природы отношений). Поэтому солидаризируемся с М.А. Егоровой, замечающей, что при подобном раскладе «...зачет не может иметь договорного характера...», ибо «...волеизъявления автономны и эффект «принятия» предложения, а следовательно, и *согласования ... отсутствует*» [17].

Повторимся, предписания статьи 410 ГК РФ не служат барьером для сознательного «игнорирования» сторонами права на односторонний зачет и достижения ими взаимной договоренности о зачете (ведь употребляемое в названной статье «...слово «достаточно» не означает, что наличие воли второй стороны исключается» [22, с. 64]). Данная опция для добросовестных контрагентов может представлять ценность, к примеру, в контексте следования принципу сотрудничества и обеспечения определенности взаимоотношений (при множественности требований, неочевидности их размера и пр.). Тем самым здесь мы имеем дело с не совсем типичной (но и не уникальной!) ситуацией, когда, как справедливо подчеркивают Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева, «...*последствие, которое вызывается односторонней сделкой, ... может наступить в результате заключения договора*»; момент же оценки волеизъявления в качестве одностороннего заявления о зачете либо, напротив, оферты (как звена в заключении соглашения о зачете) есть «...вопрос толкования...» [23, с. 39–40].

Вполне очевидно, что возможность задействования института договорного зачета играет особенно важную роль в ситуации, когда стороны намерены при прекращении своих обязательств *выйти за пределы законодательных рестрикций, предусмотренных в отношении одностороннего зачета* (сверх того, суть договорного зачета, предоставляющего субъектам «...максимальную свободу...», по резонному заявлению В.В. Драгунова, кроется «...не столько в порядке его осуществления..., сколько в особых ... условиях..., отличных от тех, которые установлены для зачета в силу закона» [21, с. 63]).

Принципиальная правомерность «обессиления» условий реализации одностороннего за-

¹⁰ Данная фраза, думается, не означает отождествление автором одностороннего зачета, имеющего (как и договорный) волевою природу, и автоматического зачета (иначе в силу закона, *ipso jure*), вообще не требующего специального изъяснения воли стороной. Размежевание означенных моделей прекращения обязательств справедливо проводится в науке (см. [10, с. 5–6] и др.).

чета (во всяком случае, некоторых из них) при заключении договора о зачете¹¹ диктуется тем, что их применение призвано обеспечить интересы компенсатора при несогласованной с ним «интервенции» компенсанта в частную сферу. Договорный же формат осуществления зачета в серьезной степени снижает риски нарушения указанных интересов (как точно подчеркивает Т.Р. Фахретдинов, стержневая идея нормирования отношений по одностороннему зачету сводится к тому, что он «...не должен ухудшать положение второй стороны», но если «...волеизъявление исходит от обеих сторон ..., данный принцип не применяется» [6, с. 7]). Напомним, что ЕСС также манифестирует допустимость невыполнения условий одностороннего зачета, когда зачет имеет своим основанием соглашение сторон.

Проблемы квалификации договорного зачета как разновидности зачета

Свое концентрированное выражение изучаемая проблематика находит в вопросе о (не)обоснованности и (не)целесообразности квалификации договорного зачета как «настоящего» зачета. В известном роде компромиссным решением является *размежевание зачета в узком* (тесном, собственном и т.п.) *и широком смысле*. Данный теоретический конструкт известен давно. В частности, он обнаруживается в трудах Н.Г. Вавина, обособлявшего две формы зачета: во-первых, зачет (компенсацию) в *широком* смысле, который дефинировался как «...форма ..., в основании которой лежит *договорное* начало» (т.е. «она зиждется ... на почве взаимного соглашения контрагентов...»); во-вторых, зачет в *тесном* смысле («нечто совершенно отличное от договорного зачета...!»), если «...погашение происходит ... *ipso jure* или в силу односторонней воли...» [10, с. 3–6]).

Среди современных ученых мысль об охвате понятием зачета в широком смысле договорного зачета активно отстаивает А.В. Егоров, причем предлагаемое им введение в научный оборот исследуемых понятий обусловлено «...целью *примирения* собственной позиции [зачет есть *односторонняя* сделка] и мнения значительного числа ученых»: зачет в *широком* контексте обнимает «...любое уменьшение встречных обязательств..., происходящее как в одностороннем порядке, так и на основании договора» [15; 13, с. 6]. Идея А.В. Егорова видится продуктивной Т.Р. Фахретдинову (который опять же обращается к термину

«договорный зачет» при описании случая погашения обязательств, не релевантных нормам статьи 410 ГК РФ, с оговоркой «для удобства»). Соглашаясь с рациональностью различения зачета в узком и широком смысле, автор предлагает «под зачетом в узком смысле ... понимать результат *одностороннего* заявления, сделанного в обязательстве, соответствующем требованиям ст. 410–412 ГК РФ, а под зачетом в *широком* смысле — весь комплекс возможных способов прекращения встречных требований сторон, *включая договорный зачет*» [6, с. 14]).

Нетрудно разглядеть разницу в приведенных теоретических построениях: зачет в широком его понимании для Н.Г. Вавина сводится *только* к договорному, тогда как для процитированных современников он затрагивает *все* вариации. Последняя трактовка (при которой понятие с большим объемом является родовым для понятия с меньшим объемом) нам видится более гармоничной и логичной.

Между тем несомненна некоторая «половинчатость» разграничения зачета в широком и узком смысле, прежде всего в прикладном аспекте, ибо анализируемый конструкт (сам по себе) не позволяет четко определить место договорного зачета в системе оснований прекращения обязательств.

С учетом в том числе приведенной вариативности ситуаций заключения соглашений о зачете легко выводимы следующие *базовые подходы к квалификации договорного зачета* (особо подчеркнем, что каждый из них так или иначе имеет теоретические и нормативные основания, а потому их оценка в системе координат «правильно/неправильно» не будет корректной).

Во-первых, *всякий договорный зачет*, вне зависимости от соблюдения специальных признаков зачетоспособности требований (всех или некоторых), *охватывается институтом зачета*.

Данный постулат, среди прочего, косвенно вытекает из рассуждений тех авторов, которые рассматривают договорный зачет как особый вид зачета, не делая при этом каких-либо оговорок по поводу непреложности соблюдения определенных в статье 410 ГК РФ условий зачета. Например, И.В. Ясина отмечает, что «законодательством предусмотрены три вида процедуры зачета...», в том числе «...путем заключения *соглашения* между контрагентами...» [24, с. 1520] (правда, о *прямом* закреплении в законе института договорного зачета говорить, как представляется, не совсем оправданно). М.В. Горбачева полагает наиболее взвешенной интерпретацию

¹¹ Вместе с тем оживленные дискуссии, как известно, ведутся вокруг вопроса о наборе условий зачета, которые не могут быть отвергнуты даже при заключении соглашения.

договорного зачета в качестве *разновидности зачета*, а не иного способа прекращения обязательств, покоящегося на положениях статьи 407 ГК РФ [18, с. 51]).

Во-вторых, собственно *зачетом может признаваться* не любой *договорный зачет*, а только тот, *который коррелирует с правилами статьи 410 ГК РФ* об условиях зачета.

Из этого, наверное, исходит А.Я. Рыженков. Ученый, разумно считая, что реализация зачета возможна в качестве и односторонней сделки, и договора, все же называет соглашения, *не соответствующие требованиям статьи 410 ГК РФ*, «квазизачетными» [22, с. 63–64]. Акцентирует внимание на том, что «...не является, строго говоря, *зачетом*» лишь договорный зачет «...обязательств, не соответствующих нормам ст. 410 ГК РФ», Т.Р. Фахретдинов [6, с. 14].

Наконец, в-третьих, при приурочении зачета исключительно к случаям погашения требований на основании *одностороннего* заявления о зачете, а «безапелляционное» рассмотрение зачета как односторонней сделки довольно типично в науке [16, с. 35–37] и др., *любой договорный зачет «подлинным» зачетом считаться*, естественно, *не может* (при этом неизбежно встает вопрос о природе соглашения о зачете и его месте в системе договорных видов¹²).

Данную позицию, среди прочих, недвусмысленно занимает Л.А. Вахрушев: «...под зачетом, — настаивает ученый, — следует понимать *только* тот случай, когда должник ... совершает *одностороннюю сделку*...» [25, с. 130]. О некорректности установки на тождественность *зачета как односторонней сделки* и прекращения обязательств вследствие соглашения сторон пишет А.В. Егоров [15]. «Встречающиеся в обороте ... «соглашения о зачете»..., — рассуждает А.А. Павлов, — ... не являются ординарным зачетом...», «...*всякий ... договорный зачет ... представляет собой иной способ* прекращения обязательств» [2].

Надо сказать, что высшие судебные инстанции, пожалуй, также склонны к восприятию понятия «договорный зачет» как условного. При этом подходе заключение обсуждаемых соглашений возможно, но они не опосредуют «истинный» зачет. Предельно выпукло данный концепт получил отражение, в частности, в постановлении Президиума ВАС РФ от 19 июня 2012 года¹³, где

¹² Палитра мнений на данный счет весьма разнообразна (договор *sui generis*, взаимный договор о прощении долга и пр.) ([4, с. 26–27], [13, с. 6] и др.).

¹³ Здесь и далее ссылки на акты органов судебной власти приводятся из СПС «КонсультантПлюс».

говорится о том, что «...зачет ... является односторонней сделкой, для совершения которой необходимы определенные условия...», а потому согласованное сторонами основание прекращения обязательства «...не является зачетом..., но и не противоречит требованиям ... законодательства».

Не называется зачетом прекращение обязательств в силу договора, необходимость заключения которого была введена в рамках децентрализованного регулирования (в силу которого «... совершение зачета посредством одностороннего волеизъявления невозможно и обязательства могут быть прекращены при наличии волеизъявления всех сторон...») в пункте 21 ППВС № 6. Показательно, что ВС РФ для целей системного обоснования своей позиции: а) делает отсылку к статье 411 ГК РФ, устанавливающей открытый перечень случаев *недопустимости (!) зачета*; б) буквально говорит о прекращении встречных требований (*избегая термина «зачет»*)¹⁴, причем *в соответствии с пунктом 3 статьи 407 ГК РФ*, где речь идет о соглашении как универсальном основании прекращения обязательств¹⁵. Сообразно этому погашение взаимных требований на основании соглашения сторон можно квалифицировать как *иной, нежели зачет, договорный способ* прекращения обязательств — правовых связей (что корреспондирует определению зачета как сугубо односторонней сделки в пункте 17 ППВС № 6).

Впрочем, данный вывод в пункте 21 ППВС № 6 все-таки эксплицитно не выражен. К примеру, дословно заявляется о возможном запрете соглашением совершать «зачет посредством одностороннего волеизъявления», из чего — в порядке *a contrario* — можно допустить и «зачет посредством договора». Неслучайно в литературе встречается и иное толкование: в версии А.П. Сергеева и Т.А. Терешенко пункт 21 ППВС № 6 позволяет «...отказаться ... от одностороннего зачета в пользу *зачета по соглашению сторон*».

¹⁴ Такое словопотребление является довольно устойчивым (см., например, определение ВС РФ от 27 сент. 2016 г. № 310-ЭС16-11675, где отмечается, что «...наличие в статье 410 ... правил о проведении зачета по заявлению одной стороны не исключает возможность заключения двусторонних соглашений о прекращении обязательств»).

¹⁵ Однако хотя при внедрении данных положений в ГК РФ соглашение сторон мыслилось как «самостоятельное основание прекращения всякого обязательства» (п. 6.2 разд. V Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 окт. 2009 г.), его не следует «жестко» противопоставлять поименованным способам прекращения обязательств, многие из которых имеют *договорную* природу.

(договорный зачет)» [26]. Более того, в судебной практике присутствуют примеры зримого объявления соглашения в качестве основания осуществления именно зачета. Так, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 февраля 2024 г. по делу № А56-19639/2023 указывается, что разъяснение п. 15 ППВС № 6 о моменте прекращения обязательств «...равным образом применимо к прекращению обязательств *зачетом* не только в одностороннем порядке, но и *по соглашению сторон*».

Несмотря на небеспопеченность концепта, в соответствии с которым зачет «замыкается» на ситуации его реализации исключительно в одностороннем порядке, нам все-таки импонирует широкое видение, в русле которого договорному зачету не отказывается в восприятии в качестве «нормального» зачета (тем более, когда он осуществляется с соблюдением условий зачета, оговоренных законом). Подобной квалификации в некотором роде «помогает» *разграничение понятий «зачет»* (этот термин характеризует правовой результат соответствующих действий участников оборота) и «*заявление о зачете*» (данное понятие относится к самому действию — волеизъявлению) [6, с. 5, 8], естественно, при нюансировании правомерности осуществления зачета не только на основании одностороннего заявления о зачете, а и по соглашению контрагентов¹⁶.

Но не это, конечно, главное для признания договорного зачета разновидностью зачета (по примеру, в частности, ЕСС). *Приемлемость и рациональность придания понятию зачета собирательного (родового) статуса* с отнесением «под его эгиду» договорного зачета (в том числе при невыполнении всех критериев зачетоспособности) детерминируется серьезными (как представляется) соображениями теоретического и прикладного толка (наряду с ранее рассмотренными нормативными доводами — диспозитивностью законоположения о достаточности для зачета заявления одной стороны и др.):

а) *договорный механизм* погашения встречных требований не только не противоречит су-

ществу зачета, но и *является*, как мы отмечали, *естественным и даже желательным способом «аннулирования» обязательств*, бесспорно гармонирующим с принципом частной автономии, поскольку предполагает согласование воли субъектов¹⁷, их координационную самоорганизацию, выступающую, в свою очередь, разновидностью индивидуальной правовой регламентации [27, с. 65–66];

б) заключение соглашений о зачете не является чем-то нетривиальным: *о востребованности в обороте такого рода договоренностей*, помимо прочего, рельефно свидетельствует современная судебная практика. Споры по поводу действительности соглашений о зачете, последствиях их заключения и т.п. — не редкость¹⁸;

в) *корневым фактором при дифференциации оснований прекращения обязательств является их материальное содержание*, а не юридико-фактическая основа сама по себе. В приложении к зачету здравым является замечание В.В. Драгунова и М.В. Телюкиной о том, что сущность зачета состоит не в характере оформляющей его сделки (односторонняя или двухсторонняя), а в специфике предпосылок ее совершения и порождаемых ею эффектов [21, с. 65; 20, с. 23];

г) *отдельные положения востребованы* (пусть, и с некоторой адаптацией для договорного зачета) *для любого зачета*, мыслимого как «...погашение требований сторон, вытекающих из обязательственных правоотношений, без совершения параллельных платежей»¹⁹ (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 марта 2021 года № 4-КГ20-69-К1, 2-3068/2019), в частности, о запретах и ограничениях касательно прекращения обязательств должника, в отношении которого введена процедура банкротства, путем зачета требований (см. пункт 1 статьи 63,

¹⁷ Символично, что для обоснования допустимости одностороннего зачета Н.Г. Вавин прибег к фикции молчаливого согласия контрагента, которая «...как раз и мирит зачет с ... идеей самоопределения» [10, с. 12].

¹⁸ См., например: определение ВС РФ от 11 янв. 2021 г. № 309-ЭС20-21393 (имела место оценка *соглашения о зачете взаимных требований* для целей признания за истцом права собственности на объект); определение ВС РФ от 26 августа 2019 г. № 305-ЭС16-11128 (предмет иска — признание действительными *соглашений о зачете* взаимных требований организаций по специальным банкротным основаниям); постановление Президиума ВАС РФ от 21 февраля 2012 г. № 14321/11 (рассмотрение иска о признании действительным *соглашения о проведении зачета* взаимной задолженности со ссылкой на нарушение законодательства о банкротстве).

¹⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 марта 2021 г. № КГ20-69-К1, 2-3068/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Стоит заметить, что в судебной практике означенное различие строго не проводится: так, в ППВС № 6 односторонней сделкой в одном случае объявляется *заявление* о зачете (см. п. 1), а в другом — *зачет* (см. п. 17). Между тем разведение разбираемых понятий, как представляется, более точно отражает семантику словосочетания «зачет требований» и релевантно терминологическим «ансамблям», используемым законодателем при описании иных правовых явлений («*расторжение договора*»/«*соглашение о расторжении договора*»; «*перевод долга*»/«*соглашение о переводе долга*» и т.п.).

пункт 1 статьи 81, пункт 8 статьи 142, пункт 1 статьи 189.96, пункт 1 статьи 213.19 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»²⁰), о моменте прекращения обязательств зачетом (см. пункт 15 ППВС № 6).

Заключение

Нормативное воплощение в жизнь концепта зачета как *обобщающей* категории подобно, скажем, конструкции «изменение или расторжение договора», одновременно распространяющей свое влияние, в том числе на случаи до-

²⁰ О несостоятельности (банкротстве) : Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

стижения соответствующего *соглашения* сторон и *одностороннего* отказа от исполнения договора (статьи 450, 450.1 ГК РФ), подразумевает кропотливую законотворческую работу, благодаря которой «накопленный опыт ... регулирования ... должен быть перенесен с односторонних сделок ... на ремиссионные соглашения» [17]. При этом значимым кажется отражение вариативности договорного зачета (с соблюдением и без соблюдения законодательных условий для зачета) в сопряжении с установлением пределов пересмотра сторонами таких условий. Реализация данного пожелания, думается, придаст институту зачета более системный и законченный характер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Исаев И.А. Правовое регулирование клиринга и иных форм зачета : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И.А. Исаев. — Москва, 2004. — 30 с.
2. Павлов А.А. Предпосылки зачета / А.А. Павлов. — EDN UNWFFQ // Закон. — 2022. — № 2. — С. 28—49.
3. Брауде И. Проблемы зачета в Гражданском кодексе / И. Брауде // Право и Жизнь. — 1924. — Кн. 10. — С. 73—75.
4. Крашенинников Е.А. Основные проблемы зачета / Е.А. Крашенинников // Очерки по торговому праву : сб. науч. тр. / под ред. Е.А. Крашенинникова. — Ярославль, 2009. — Вып. 16. — С. 3—28.
5. Новицкий И.Б. Общее учение об обязательстве / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц. — Москва : Госюриздат, 1950. — 416 с. — EDN RSFTAF.
6. Фахретдинов Т.Р. Проблемы применения зачета в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Т.Р. Фахретдинов. — Казань, 2006. — 22 с.
7. Белов В.А. Автоматический зачет взаимных требований: мировой опыт и положения Гражданского кодекса РФ / В.А. Белов. — EDN YRQGYR // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. — № 12. — С. 73—97.
8. Белов В.А. Кодекс европейского договорного права — European Contract Code: общий и сравнительно-правовой комментарий : в 2 кн. / В.А. Белов. — Москва : Юрайт, 2015. — Кн. 1. — 308 с.
9. Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах : учеб. пособие / В.А. Хохлов. — Москва : Статут, 2015. — 288 с.
10. Вавин Н.Г. Зачет обязательств / Н.Г. Вавин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издание военно-юридического книжного магазина «Правоведение» И.К. Голубева, 1914. — 66 с.
11. Grimm D.D. Лекции по догме римского права / Д.Д. Гримм. — Москва : Зерцало, 2003. — 496 с.
12. Бевзенко Р.С. Зачет в гражданском праве: опыт исследования теоретической конструкции и обобщения судебной практики / Р.С. Бевзенко, Т.Р. Фахретдинов. — Москва : Статут, 2006. — 171 с.
13. Егоров А.В. Германская модель зачета в приложении к российским реалиям: теория и практика / А.В. Егоров. — EDN SLBQGR // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2014. — № 3. — С. 4—24.
14. Соломина Н.Г. Особенности применения зачета встречных однородных требований при прекращении обязательств по российскому гражданскому праву / Н.Г. Соломина. — EDN SLRFRV // Власть Закона. — 2014. — № 2. — С. 19—25.
15. Егоров А.В. Зачет — сделка или результат? / А.В. Егоров // ЭЖ-Юрист. — 2000. — № 52. — С. 3.
16. Буркова А. Зачет как способ прекращения обязательств / А. Буркова. — EDN RCJSKN // Юридический мир. — 2010. — № 5. — С. 35—38.
17. Егорова М.А. Правовой режим зачета в гражданско-правовых обязательствах / М.А. Егорова. — Москва : Дело, 2012. — 240 с. — EDN QSJGCX.
18. Горбачева М.В. Случаи недопустимости договорного зачета / М.В. Горбачева. — EDN JXKXIL // Сибирский юридический вестник. — 2009. — № 1. — С. 50—55.
19. Брагинский М.И. Договорное право: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. — Москва : Статут, 1998. — 682 с.
20. Телюкина М.В. Прекращение гражданско-правовых обязательств путем зачета требований / М.В. Телюкина // Право и экономика. — 2000. — № 3. — С. 19—24.
21. Драгунов В.В. Односторонний и договорный зачет: российская практика и международный опыт / В.В. Драгунов. — EDN NXJZVN // Право и экономика. — 2003. — № 11. — С. 62—66.

22. Рыженков А.Я. Зачет как юридический факт в гражданском праве / А.Я. Рыженков. — EDN URMVVG // Власть Закона. — 2021. — № 3. — С. 59–70.
23. Крашенинников Е.А. Односторонние и многосторонние сделки / Е.А. Крашенинников, Ю.В. Байгушева. — EDN OYZNXF // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2012. — № 7. — С. 30–50.
24. Ясина И.В. Правовое регулирование и практика применения зачета в договоре / И.В. Ясина // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Симферополь, 15 дек. 2023 г. — Симферополь, 2024. — Т. 1. — С. 1517–1522.
25. Вахрушев Л.А. Момент прекращения обязательства зачетом / Л.А. Вахрушев. — EDN YTTWMN // Российский юридический журнал. — 2017. — № 3. — С. 129–134.
26. Сергеев А.П. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 6 о прекращении обязательств: комментарий отдельных разъяснений / А.П. Сергеев, Т.А. Терещенко. — EDN JLRSQC // Арбитражные споры. — 2020. — № 4. — С. 119–150.
27. Виниченко Ю.В. Виды правового регулирования гражданского оборота / Ю.В. Виниченко. — DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(1).56-70. — EDN ENNMJN // Академический юридический журнал. — 2023. — Т. 24, № 1. — С. 56–70.

REFERENCES

1. Isaev I.A. *Legal regulation of clearing and other forms of set-off. Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2004. 30 p.
2. Pavlov A.A. Prerequisites of Set-off. *Zakon = Law*, 2022, no. 2, pp. 28–49. (In Russian). EDN: UNWFFQ.
3. Braude I. Problems of offset in the Civil Code. *Pravo i Zhizn' = Law and Life*, 2024, bk. 10, pp. 73–75. (In Russian).
4. Krashenninnikov E.A. Major offset issues. In Krashenninnikov E.A. (ed.). *Essays on commercial law. Collected Papers*. Yaroslavl, 2009, iss. 16, pp. 3–28. (In Russian).
5. Novitskii I.B., Lunts L.A. *General doctrine of obligation*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1950. 416 p. EDN: RSFTAF.
6. Fakhretdinov T.R. *Problems of application of offset in civil law of Russia. Cand. Diss. Thesis*. Kazan, 2006. 22 p.
7. Belov V.A. Automatic Offset of Mutual Claims: Global Experience and Provisions of the Civil Code of the Russian Federation. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii = Herald of Economic Justice*, 2018, no. 12, pp. 73–97. (In Russian). EDN: YRQGYF.
8. Belov V.A. *European Contract Code: General and Comparative Legal Commentary*. Moscow, Yurait Publ., 2015. Bk. 1. 308 p.
9. Khokhlov V.A. *General Commitment Provisions*. Moscow, Statut Publ., 2015. 288 p.
10. Vavin N.G. *Offset of obligations*. 2nd ed. Moscow, Izdanie voenno-yuridicheskogo knizhnogo magazina "Pravovedenie" I.K. Golubeva Publ., 1914. 66 p.
11. Grimm D.D. *Lectures on the dogma of Roman law*. Moscow, Zertsalo Publ., 2003. 496 p.
12. Bevenko R.S., Fakhretdinov T.R. *Offset in civil law: experience in the study of theoretical construction and generalization of judicial practice*. Moscow, Statut Publ., 2006. 171 p.
13. Egorov A.V. German offset model in the appendix to Russian realities: theory and practice. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii = Herald of the Supreme Arbitrazh Court of Russia*, 2014, no. 3, pp. 4–24. (In Russian). EDN: SLBQGR.
14. Solomina N.G. Peculiarities of application of offset homogeneous claims when terminating obligations under Russian civil law. *Vlast' Zakona = The Rule of Law*, 2014, no. 2, pp. 19–25. (In Russian). EDN: SLRFRV.
15. Egorov A.V. Offset — deal or result? *EZh-Yurist = EJ-Jurist*, 2000, no. 52, pp. 3. (In Russian).
16. Burkova A. Set-off as a way to terminate obligations. *Yuridicheskii mir = Juridical World*, 2010, no. 5, pp. 35–38. (In Russian). EDN: RCJSKN.
17. Egorova M.A. *Legal regime of set-off in civil obligations*. Moscow, Delo Publ., 2012. 240 p. EDN: QSJGCX.
18. Gorbacheva M.V. Cases of Inadmissibility of Contractual Offset. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2009, no. 1, pp. 50–55. (In Russian). EDN: JXKXIL.
19. Braginskii M.I., Vitryanskii V.V. *Contract law: General provisions*. Moscow, Statut Publ., 1998. 682 p.
20. Telyukina M.V. Termination of civil obligations by offset of claims. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2000, no. 3, pp. 19–24. (In Russian).
21. Dragunov V.V. Unilateral and contractual offset: Russian practice and international experience. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2003, no. 11, pp. 62–66. (In Russian). EDN: NXJZVN.
22. Ryzhenkov A.Ya. Set-Off as a Legal Fact in Civil Law. *Vlast' Zakona = The Rule of Law*, 2021, no. 3, pp. 59–70. (In Russian). EDN: URMVVG.
23. Krashenninnikov E.A., Baigusheva Yu.V. Unilateral and multilateral transactions. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii = Herald of the Supreme Arbitrazh Court of Russia*, 2012, no. 7, pp. 30–50. (In Russian). EDN: OYZNXF.
24. Yalina I.V. *Legal regulation and practice of offsetting in the contract. Protection and protection of rights and legitimate interests in modern law. Materials of International Scientific Conference, Simferopol, December 15, 2023*. Simferopol, 2024, Vol. 1. pp. 1517–1522. (In Russian).

25. Vakhrushev L.A. A Moment of Termination of the Obligation by an Offset. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* = *Russian Law Journal*, 2017, no. 3, pp. 129–134. (In Russian). EDN: YTTWMN.

26. Sergeev A.P., Tereshchenko T.A. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 6 on the Termination of Obligations: Commentary on Certain Clarifications. *Arbitrazhnye spory* = *Arbitrary Disputes*, 2020, no. 4, pp. 119–150. (In Russian). EDN: JLRSQC.

27. Vinichenko Yu.V. Types of Legal Regulation of Civil Circulation. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal* = *Academic Law Journal*, 2023, vol. 24, no. 1, pp. (In Russian). EDN: ENNMJN. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(1).56-70.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юрий Сергеевич Поваров — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. 443086, Россия, Самара, Московское шоссе, 34. SPIN-код: 4537-0020.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Iurii S. Povarov — Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Business Law. Samara National Research University. 34, Moscow highway, Samara, Russia, 443086. SPIN-code: 4537-0020.

Поступила в редакцию / Received 01.10.2024

Доработана после рецензирования / Revised 05.11.2024

Принята к публикации / Accepted 20.12.2024